

УДК 903'15:7.031(574.3)

**ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА РАННИХ САКОВ САРЫАРКИ
КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР**

А. З. Бейсенов

ART OBJECTS OF THE EARLY SARYARKA SAKS AS EVIDENCE OF CULTURE INTERACTIONS

A. Z. Beisenov

Работа выполнена при финансовой поддержке МОН РК, проект № 0332 ГФ «Истоки степной цивилизации: комплексные исследования памятников эпох камня, бронзы и раннего железного века».

В последние годы в результате исследования элитных курганов раннесакского времени Центрального Казахстана получена уникальная коллекция предметов, иллюстрирующая эстетические вкусы местных племен раннего железного века. Находки из захоронений сакской знати Сарыарки позволяют выявить основные направления культурных взаимодействий населения I тысячелетия до н. э.

During the past decade's research works at elite barrows of early Saks period in Central Kazakhstan a unique collection of objects illustrating esthetic tastes of local tribes of the early Iron Age was obtained. Findings from burials of the Saks nobility of Saryarka show the main directions of cultural interactions in the early Iron Age.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, искусство, звериный стиль, тасмолинская культура, Талды-2.

Keywords: Central Kazakhstan, art, animal style, Tasmola culture, Talady-2.

В настоящее время одним из важных направлений в археологии раннего железного века Центрального Казахстана можно назвать изучение крупных курганов, являющихся местами захоронений представителей сакской знати. Помимо данных, получаемых в результате изучения стратиграфии памятников, архитектуры и конструкции наземных сооружений, погребального обряда, важным источником выступают предметы искусства. Интересные и ценные материалы были получены в ходе раскопок серии новых курганных погребений тасмолинской культуры в Карагандинской области. Это курганы могильников Талды-2, Шерубай, Карашоки и ряда других, раскопанных Сарыаркинской экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством автора [1].

Анималистическими изображениями и орнаментальными мотивами декорировались поверхности самых разнообразных предметов: элементы костюма и конского снаряжения, предметы вооружения и орудия труда, посуда, предметы культа и туалета. Все эти предметы были частью вещного мира древних кочевников Центрального Казахстана.

Обилие нашивных бляшек из золота в виде изображения кошачьего хищника в период ранних кочевников, в силу специфики развития экономики, социальной организации, общественных отношений, культуры, идеологии, позволяющих говорить о сложении кочевой цивилизации, имело особый смысл, не только декоративный. В данном случае мы наблюдаем наложение значения анималистического образа, его художественного воплощения, качества металла – золота, подчеркивающих статус погребенного. Об этом неоднократно говорилось в публикациях. Помимо предполагаемых истоков распространенного в мифологии и эпосе героя – витязя в тигровой (барсовой) шкуре, здесь можно увидеть некоторые общие идеологические и мировоззренческие принципы на терри-

тории, по крайней мере, восточной части евразийского пояса степей.

На бляшке из кургана I могильника Карашоки представлено профильное изображение тигра, стоящего в спокойной позе (рис. 1: 1). Ажурность изображения, с помощью которой передана характерная полосатая фактура шкуры животного, придает легкость облику тигра. Характерные для раннесакского искусства S-видные завитки, положенные в основу изображения, обыграны по-новому, превращаясь в стилизованных орлов и орлиных грифонов – одного из любимых и глубоких семантических образов саксов. Они, как это часто применялось ранними кочевниками, вписаны внутрь поля изображения, завитками выделены мощная шея тигра и лопатка, линия бедра, пряди шерсти, и таким образом выполняли двойную функцию. В целом грифоны, вписанные в изображение тигра, почти аналогичны таковым из раннесакского кургана I могильника Шерубай (рис. 2: 3). Длинный хвост традиционно закручен спиралью вверх, подчеркнута длина хищных и острых когтей. Помимо тонкого изобразительного приема, в бляшке выражена идея в целом фантастического существа, совмещающего образы тигра и орла, их близость в мировосприятии саксов.

Стилистический прием находит некоторые аналогии в искусстве ранних кочевников. Ажурность, подразумевающая наложение вырезанного из золотой фольги изображения на контрастный фон, обращает внимание на раннесакские изделия из клада Жалаулы в Жетысу. В тоже время передача характерных полос и густых длинных прядей шерсти тигра встречается в более поздних – периода расцвета сакской пазырыкской культуры на Алтае – изображениях тигра (рис. 1). Профильное изображение тигра из Карашоки, если принять предположение о том, что орнаментальный декор-заполнение его состоит из стилизованных профилей орлиных грифонов, то семантически он близок изображению тигра на кожаной аппликации из

кургана 2 могильника Ташанта II: на плече животного показан отросток в виде головы орлиного грифона [2, табл. СХХII, 8]. Поза однозначно передает зверя в состоянии агрессии – раскрытая пасть с выделенными клыками, направленные вперед ноги с длинными острыми когтями – подчеркнута обозначенными. Хотя на изделии из Центрального Казахстана поза хищника

спокойная. Другой близкий образ – кожаная аппликация в виде фигуры тигра с рогами из 1-го Туэктинского кургана [3, кат. 197, с. 220] (рис. 1: 5). Внутри абриса заполнение состоит из спиралевидных завитков, уши показаны также внутри контура головы, когти распущены. Отличает от тигра из Карашоки наличие рогов.

Рис. 1. Изображение кошачьего хищника в искусстве древних кочевников Евразии. Некоторые параллели. 1 – Карашоки, курган 1, Центральный Казахстан, фольга; 2 – Пазырык, курган 5, Алтай, татуировка, фрагмент [Приводится по: 15, рис. 14]; 3 – Башадар, курган 2, резьба по дереву [Приводится по: 11, рис. 23]; 4 – Шаницуньинь, мог. 1612, Китай, декор зеркала [Приводится по: 2, LXXVI, 5] 5 – Туэкта, курган 1, кожа [Приводится по: 11, рис. 87]

Может быть, описанный тигр представляет одну из линий развития изображений хищников на оленных камнях, контуры которых заполнены полосами или пятнами, которые передают, видимо, фактуру шкуры (тигр, барс), хотя там несколько иная иконография зверя – ноги чуть согнуты и вытянуты вперед [4, табл. 40, 1; 130].

В целом, такая легкость и невесомость, прозрачность изображений характерна для кочевников пазырыкской культуры Алтая, что проявляется и в вырезанных из фольги, кожи и бересты изображениях, татуировке погребенных, в переплетении орнаментальных мотивов из тонкого цветного войлока. Филигранность изображений, проработка поверхности тонкими линиями завитков, часто образующих вписанные в пространство облика животного орлиных грифонов, характерна для золотых изделий Филипповского могильника на Южном Урале, также относящегося к расцвету раннекочевнической культуры. Аналогии изделиям тасмолинской культуры прослеживаются и в передаче отдельно выполненной профильной головы с вертикально вытянутыми длинными рогами (оковка сосуда) [3]. Не случайно авторы публикации материалов из Филипповки приходят к выводу о генетической связи южноуральских кочевников

с сако-массагетским миром [5, с. 37]. Общность мировоззрения, духовной культуры ранних кочевников Великой Степи демонстрирует и золотая пластина в виде пантеры, лапы и хвост которой орнаментированы рельефными изображениями свернувшихся кольцом кошачьих хищников из раннескифского Келермесского кургана на Северном Кавказе, что является сходным изобразительным приемом в передаче хищных черт животного.

Стилистический прием находит некоторые аналогии в искусстве ранних кочевников. ажурность, подразумевающая наложение вырезанного из золотой фольги изображения на контрастный фон, обращает внимание на раннесакские изделия из клада Жалаулы в Жетысу. В тоже время передача характерных полос и густых длинных прядей шерсти тигра встречается в более поздних – периода расцвета сакской пазырыкской культуры на Алтае – изображениях тигра (рис. 1). Профильное изображение тигра из Карашоки, если принять предположение о том, что орнаментальный декор-заполнение его состоит из стилизованных профилей орлиных грифонов, то семантически он близок изображению тигра на кожаной аппликации из кургана 2 могильника Ташанта II: на плече животного показан отросток в виде головы орлиного грифона [2,

табл. СХХII, 8]. Поза однозначно передает зверя в состоянии агрессии – раскрытая пасть с выделенными клыками, направленные вперед ноги с длинными острыми когтями – подчеркнута обозначенными. Хотя на изделии из Центрального Казахстана поза хищника спокойная. Другой близкий образ – кожаная апплика-

ция в виде фигуры тигра с рогами из 1-го Туэктинского кургана [3, кат. 197, с. 220] (рис. 1: 5). Внутри абриса заполнение состоит из спиралевидных завитков, уши показаны также внутри контура головы, когти распушены. Отличает от тигра из Карашоки наличие рогов.

Рис. 2. Мотив «сложного завитка» в раннесакском искусстве Центрального Казахстана, Южного Урала и Тывы. 1 – Талды-2, курган 5, литье; 2 – Аржан-2, литье [Приводится по: 6, рис. 5: 2]; 3 – Шерубай, курган 1; 4 – Кичигино, курган 5 [Приводится по: 16, рис. 4: 1]

Изделия из раннесакских курганов Тасмолы позволяют высказать предположение о том, что традиция создания образов фантастических существ в раннекочевническом искусстве начала складываться уже в раннесакское время. Вызывает интерес положение кошачьих хищников в раннесакское время в декоре предметов Центральной Азии (Тыва, Северный Китай...) [2, табл. LXXVI, 4, 5; LXVIII], в том числе с точечным, полосатым или спиралевидным заполнением туловища. Примечательно, что на зеркале из Шаньцуньлина (рис. 1: 4) между геральдически размещенными профильными изображениями кошачьих хищников помещено изображение птицы с распростертыми крыльями и копытного животного. Возможно, здесь просматривается семантическая связь с идеей, воплощенной в бляшках из Жалаулы, Шиликты, Байгетобе, Талды. Это подтверждает вывод К. В. Чугунова о связи искусства раннескифского времени Тывы, Хакасско-Минусинской котловины, лесостепного Алтая и Казахстана, центрально-азиатское происхождение традиций искусства звериного стиля из комплекса кургана Аржан-2 [6].

К. В. Чугунов подробно рассмотрел параллели в образцах древнего искусства из Аржана-2 и могильника Талды-2, Шиликты, Байгетобе, Жалаулы. Новые находки, полученные из курганов Шерубай и Карашоки раннего этапа тасмолинской культуры, дополняют линии связей культуры населения Тывы и Центрального Казахстана в раннесакское время. Так, ажурные навершие-булавка от женской прически и пластина [7, tabl. 74, 1, 2; 71, 3] перекликаются с нашивкой в виде стилизованного грифона из кургана 1 могильника Шерубай (рис. 2: 3). Вырезанные из фольги ажурные нашивки – стилизованные грифоны из Шерубая имеют четко выделенные клюв и восковицу, хохолок, гребень (?), хвост. Внутри ареала самой культуры Тасмолы декор рукояти кинжала из

Нурманбет IV, курган 1 – сильно стилизованный орнаментальный декор – перекликается с ажурными изделиями из Талды-2 и Карашоки [8, рис. 38, 1].

Предметы мелкой пластики, декорированные изображениями в виде «сложного завитка», выражаясь определением К. В. Чугунова, применившего его при анализе изображений, выполненных в зверином стиле из материалов кургана Аржан-2 [6], присутствуют в коллекциях синхронного круга памятников в Центральном Казахстане (Шерубай, Талды-2), Южном Урале (Кичигино) (рис. 2). Кроме того, мотив сложного завитка, вероятно, присутствует и в материалах клада Жалаулы в Юго-Восточном Казахстане. Речь идет о пронизях от конского снаряжения, выполненных в виде объемной запятой, форма которой напоминает стилизованное изображение клюва или когтя. Поверхность этих предметов сплошь покрыта изображениями муфлонов. Сходства, выявляемые в образительных памятниках столь обширной территории Жетысу – Сарыарка – Южное Приуралье – Тыва, очевидно, свидетельствуют о том, что обитатели этого степного и горно-долинного пространства образовывали в раннесакское время некий единый сходный по облику культуры массив.

Изобразительная традиция, прослеживаемая в декоре предметов из Центрального Казахстана, отличается не такой острой формой предполагаемого клюва или когтя и заполнением поверхности элементами орнамента типа «листика». Генезис и расцвет такой образительной традиции мы наблюдаем в более поздних памятниках, датируемых пазырыкским временем, когда такой прием становится преобладающим в искусстве населения I тыс. до н. э.

Любопытно, что изображение орла с повернутой назад головой, воплощенное как в изделиях из золота, так и в наскальном искусстве, в петроглифах сопровождается рисунком архара или таутеке, что находит

аналогии в предметах мелкой пластики, например, в изображении на бляхе из Байгетобе, где композиция образована из протом таутеке и целой фигуры птицы [9, фото 3] (рис. 3: 4). Аналогичная смысловая нагрузка содержится в сюжете на бляшке из Жалаулинского клада. Однако здесь показаны целые фигуры двух

олений в жертвенной позе [10, фото 3]. Практически идентичны, за исключением вставок бирюзы, бляшки с композицией в виде двух протом горных козлов с птицей в центре из Талды-2 и Шиликты (Байгетобе) (рис. 3: 3, 4).

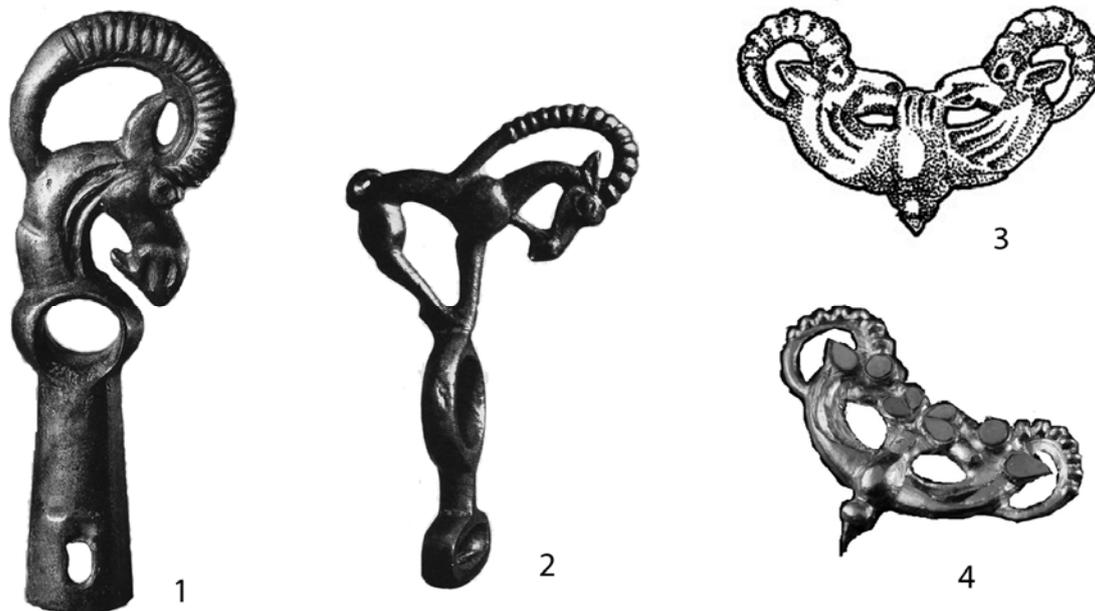

Рис. 3. Изображения таутеке в раннесакских памятниках Казахстана. 1 – Биже, Юго-Восточный Казахстан [Приводится по: 14, рис. 3; 10, с. 121]; 2 – Тасмола V, курган, Центральный Казахстан [Приводится по: 8, с. 325, рис. 18; 10, с. 120]; 3 – Талды-2, курган 5, Центральный Казахстан; 4 – Шиликты, курган «Байгетобе» [Приводится по: 9, вклейка, фото 3]

Они организованы по принципу зеркальной симметрии и хорошо показывают связь образов горного козла и птицы (7 в. до н. э.). Стилизация близка к способу передачи головы оленя из кургана Аржан-2 (конец 7 в. до н. э.) и Филипповки (5 – 4 вв. до н. э.), где присутствуют подобные образы с вертикально расположенными рогами. В бляшке из Жалаулы (конец 7 в. до н. э.) использованы образы оленей, что еще раз свидетельствует о близости религиозных взглядов раннесакских племен и взаимозаменяемости образов птицы, оленя, горного козла.

Композиция, легшая в основу бляшки из Байгетобе, образована протомами двух горных козлов и птицей посередине (рис. 3). В целом, она очень напоминает композицию из курганов пазырыкской культуры на Алтае, составленную профильным контуром двух орлиных грифонов [11, рис. 146, г]. Специалисты в настоящее время сходятся во мнении, что в раннесакский период еще не было распространено использование синкретических образов. Можно предположить, что одна из линий развития этого целого в итоге образа – новое обобщенное существо – грифон орлиный с ушами, рогами, гребнем; а также образ, совмещающий признаки копытного и птицы, берет начало в таких композициях.

Судя по иконографии, птица, присутствующая в композиции на жалаулинской, шиликтинской и талдинской бляшках, видимо, не хищная, а вообще птица. Поэтому можно предположить иную семантику композиции в отличие от совмещенных образов клю-

воголовых оленей в памятниках пазырыкской культуры. В последних исследователи видят выражение сюжета «благотворения» хищниками травоядных копытных животных [12, с. 100].

В Тагискене среди находок выделяется золотая бляшка «лежащий лев» с головой фас из кургана № 3. Стилистически он близок золотым бляшкам из кургана № 3 Тасмола в виде лежащего льва [13, илл. 20 и 30 а, б]. В отдельных мелких деталях изображения животных не идентичны, но в целом очевидно, что это изделия одного круга. Близки в целом тасмолинским изображения лежащего кошачьего хищника из Филипповки [3, кат. 13], более поздняя дата которого указывает на вектор, намеченный ажурностью изделий с территории восточных регионов.

С бляшками в виде кошачьих хищников из могильника Талды перекликаются профильные изображения «лежащего льва» и «идущего льва» из могильника Тагискен, курганы № 31 и 53 [13, илл. 21, 22]. На части бляшек из Талды-2 выделены мощная шея с гривой (?), ноги как бы в складках, между тем кисточки на кончике хвоста нет. Возможно, что здесь передан либо обобщенный образ кошачьего хищника, либо бляшки штамповал тот, кто никогда не видел этого животного. Если сравнивать очень близкие изображения кошачьих хищников в профиль, то, несмотря на однозначное сходство изделий из Тагискена, Талды-2 и Аржана-2, видно, что образы из Талды-2 – наименее реалистичные. Иконография полусвернутой позы кошачьего хищника, характерной для памятников Тывы

и Центрального Казахстана, известна вплоть до памятников Восточного Приаралья. Подобие складок на ногах и кончик хвоста колечком имеют похожие изображения хищников в спокойной позе более позднего времени из памятников Обские Плесы-2, мог. 3 и Кош-Пей-1, к. 1 [2, табл. XLI, 1, 6].

Выявленные параллели маркируют возможные векторы связей раннесакских племен – носителей культуры. Анализ предметов искусства раннесакского времени показывает связи регионов: Тыва – Восточный Казахстан – Сарыарка и Жетысу – Приаралье. Еще один вектор связей территорий Сарыарки и Жетысу – бронзовые скульптурные фигурки козлов от конского снаряжения из кургана 2 Тасмола V и бронзовые навершия в виде головы горного козла из Биже. Они стилистически разные, но близки по сути.

Кималиш Акишевич и Алишер Кималевич Акишевы считают, что Биже связывает памятники раннесакского времени – Уйгарак, Тагискен – с культурой са-

ков Жетысу. В свою очередь, Биже стоит в одном ряду с Тасмолы и Аржаном [14, с. 59].

До недавнего времени материалы по искусству племен раннего железного века Центрального Казахстана ограничивались в целом данными М. К. Кадырбаева, полученными на Шидерты и Жыланды. Исследователь, как известно, еще в 1960-х гг. отметил ряд параллелей в культурах Центрального Казахстана и соседних регионов, причем указывал на определенную близость Тасмолы к культуре Алтая. Новые материалы из могильника Талды-2, изученные курганы которого датированы 7 – началом 6 вв. до н. э. [1], в настоящее время позволяют более явственно представить, по крайней мере, основные направления культурных связей. Определение сути их, выяснение механизмов взаимовлияний, т. е. раскрытие основного содержания этнокультурных процессов в раннесакское время на территории указанных регионов, – всё это требует детальных исследований.

Литература

1. Бейсенов, А. З. Сарыарка – колыбель степной цивилизации / А. З. Бейсенов. – Алматы, 2011. – 32 с.
2. Богданов, Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская традиция) / Е. С. Богданов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
3. Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. – СПб.: Славия, 2001. – 248 с.
4. Волков, В. В. Оленные камни Монголии / В. В. Волков. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.
5. Пшеничнюк, А. Х. Звериный стиль Филипповских курганов / А. Х. Пшеничнюк // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. статей, посв. 70-летию А. Х. Пшеничнюка. – Уфа, 2006. – С. 26 – 37.
6. Чугунов, К. В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы / К. В. Чугунов // Европейская Сарматия. – СПб: Нестор-История, 2011. – С. 39 – 60.
7. Çugunov, K. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Aržan 2 in Tuva / K. Çugunov, H. Parzinger, A. Nagler // Mainz: Verlag Philipp von Zabern. Archäologie in Eurasien. – Band 26. – 2010. – 330 s., 289 Abb., 153 Taf.
8. Кадырбаев, М. К. Памятники тасмолинской культуры / М. К. Кадырбаев // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К. [и др.] Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303 – 433.
9. Толеубаев, А. Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетысуского Алатау / А. Толеубаев // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991 – 2011): сб. науч. статей. – Алматы, 2011. – С. 156 – 174.
10. Тасмагамбетов, И. Н. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников / И. Н. Тасмагамбетов. – Алматы: Берел, 2003. – 336 с.
11. Руденко, С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С. И. Руденко. – М.; Л.: АН СССР, 1960. – 360 с.
12. Черемисин, Д. В. О языке искусства звериного стиля в пазырыкских погребальных комплексах / Д. В. Черемисин // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк, 2006. – Т. 3. – С. 325 – 354.
13. Артамонов, М. И. Сокровища саков / М. И. Артамонов. – М.: Искусство, 1973. – 279 с.
14. Акишев, К. А. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры / К. А. Акишев, А. К. Акишев // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата, 1978.
15. Баркова, Л. Л. Татуировки на мумиях из Больших Пазырыкских курганов (новые материалы) / Л. Л. Баркова, С. В. Панкова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2 (22). – С. 48 – 59.
16. Таиров, А. Д. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье / А. Д. Таиров, С. Г. Боталов // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. – М.: ТАУС, 2010. – С. 339 – 354.

Информация об авторе:

Бейсенов Арман Зияденович – кандидат исторических наук, заведующий отделом сакской археологии Института археологии им. А. Х. Маргулана, azbeisenov@mail.ru.

Arman Z. Beisenov – Candidate of History, Head of Saks Archaeology Department, A. H. Margulan Institute of Archaeology, Kazakhstan.